

О прошлом Аварии

(к материалам по истории нагорного Дагестана).

В Дагестане в качестве исторического материала имеет распространение рукопись на арабском языке „Тарихи Дагестан“, приписываемая автору 14 века Мухамед Рафи Ширванскому, с именем которого, между прочим, связаны и манускрипты о происхождении Кайтагских владетелей. Если последнее обстоятельство, за недостаточной изученностью вопроса, не дает еще поводов к выражению каких либо сомнений, то принадлежность „Тарихи Дагестан“ целиком перу автора, жившего в 14 веке, разбивается при первом же критическом анализе. В этом направлении особенно интересно подойти к пышному родословию Суракгата владетеля Аварии, приуроченного преданием ко времени борьбы в горах ислама с неверием. Вот перечень династических имен по восходящей линии: Сартан, Урус-хан, Умма-хан, Фируз-шах, Бакир, Намруд, Баяр, Фарда, Тахмас, Сайд, Амир, Фяраун, Хуваджи, Сафи-шах, Аббас, Тахмаз, Хидри-шах, Асрукани (по другому списку Аваскан.) Разбор цепи этих имен неминуемо приведет нас к установлению в данном вопросе наличия грубо-беззастенчивого тенденциозного сочинительства.

Урус-хан - хан с таким именем известен в Белой Орде (Восточный Кипчак в Закаспии). Урус - хан современник Тамерлана воевал с Тохтамышем (А. Мюллер. История Ислама т. III). Умма-хан - распространенное имя в династии ханов Аварии; особенно прославился своей воинственностью из них тот, который умер в 1800 году и похоронен в сел. Джары (возле нынешнего гор. Закаталы).

Фируз - персидский царь-сассанид (459-483 г.), под этим же именем известен и правитель Аррана (Барда) в Азербайджане в VI веке.

Намруд - легендарный царь-охотник Нимрод. С его именем связаны некоторые развалины в Закавказьи и между прочим „Намруд-Кала“ в горах Шамхора.

Баяр - русский сословный термин, проникший в Дагестан в 16

веке и особенно популяризовавшийся впоследствии в Кавказскую войну.

Тахмас (Тахмасб) - это имя носят два шаха Сефевидской династии: Тахмасб 1-ый (1524 г.-1576 г.) и 2-й (1722 г. 1732 г.)

Сеид и **Амир** - эти арабские имена правоверного содержания в разбираемой генеалогии совершенно не могут быть ничем объяснены.

Фираун - надо думать, что Фараон упомянут для вящего усиления картины неверия предков Суракгата.

Сефи-шах - может быть упоминаем вообще как обозначение всей плеяды шахов Сефевидской династии и, в частности, это имя может быть отнесено к Шах-Сефи II (1628-1642 г.г.).

Аббас - такое имя носит ряд шахов Сефевидской династии: Шах-Аббас I великий (1587-1628 г.), Аббас II (1642-1667 г.), Аббас III (1732-1736 г.).

Хидри-шах (Хозрой, Хозров) - персидские шахи Сассанидской династии: Хозрой I (531-579), Хозрой II (590-628 г.).

Таким образом, мы видим, что автор родословного дерева просто создал мешанину так или иначе наслышанных или вычитанных из каких либо источников имен. Одновременно вскрывается и позднейшая природа этой невежественной фальсификации. „Следовательно, все Дагестанские эмиры происходят от детей Хамзата и Аббаса, исключая султанов Аварии. Что же касается до них, то они из рода султанов Урус", - сказано в Тарихе. Более чем вероятно, что уточнение предков в 18 поколениях и увязание с султанами Урус произошло в то позднее время, когда аварским ханам, соревнующим в силе своего рода с другими владетелями Дагестана, понадобилось противопоставить правоверному происхождению этих последних свою эффектную династическую древность. Вернее всего тарих относится к концу 18 века, когда были на лицо все данные для знакомства со словами „Урус" и „Баяр" при возвысившемся политическом значении Аварии в Дагестане.

Как в Тарихе, так и в народных преданиях владетель Суракга (Суракгат) стоит на грани перехода Аварцев от неверия к исламу. „Суракгат презренный государь, негодный тиран, творец всякого дурного дела и всего строгого и жестокого". Суракгат, по всей вероятности, не без влияния тенденциозной характеристики Тариха,

исключительно популярен в народе своей принадлежностью к враждебному исламу миру. Подобная известность Суракгата внушает сама по себе некоторую настороженность, тем более, что по Тариху арабы в сущности сталкивались более, как будто, с сыном Суракгата Баяром и внуком Эмир Султаном (?) и, потому, казалось бы, для ненавистного подчеркивания отрицательных свойств персонально самого Суракгата не было как будто оснований. Такая как бы непоследовательность находит однако себе объяснение в том факте, что в истории вообще магометанства имя Суракга (Суракгат) занимает исключительно яркое место по своей противности исламу. В сражении при Бадре на стороне корейшитов против пророка Мухаммада сражался сам дьявол в образе некоего Суракга, который своим примером особой храбрости и мужества вдохновлял неверных. Когда с помощью ангелов, (как говорят религиозные историки), перевес битвы склонился в сторону мусульман, сатана в страхе и смятении бежал и бросился в море. Нет ничего удивительного в том, что местный арабист с готовностью перенес на почву родной Аварии богопротивное имя и наделил им мысленно представлявшегося ему в прошлом несносного вождя аварцев, храбро отстаивавших свою независимость. Однако, необходимо высказать сомнение в возможности исключительной популярности в народе имени „Суракгат" через посредство лишь книжно-религиозной агитации. Вернее всего думается, что историк-книжник с небольшой морфологической тенденцией подошел с именем араба Суракгата, - современника пророка Мухаммада, к уже имевшемуся на лицо в народе термину, обозначавшему понятие: „глава" „начальник"; таким термином должно было быть одно из двух персидских слов: или Sarkuhiha (глава горцев) или саркерде (начальник войска), подвергшиеся соответственному фонетическому влиянию в устах аварцев.

В конце V века по Р. Х. на Дагестанском побережье Каспийского моря и севернее, как известно, возгоралась борьба между хазарами-тюрками, базировавшимися на Волге и Сассанидской Персией, вынужденной отстаивать свое право на издавна подвластные ей области Северного Кавказа. Однако шаг за шагом превосходному врагу, надвигающемуся с севера, уступаются ряд крепостей, в том числе „Сурхаб („Красная вода" - ныне Кизляр, Кызыл-Яр) „Семендер"

(ныне Тарки), и другие укрепленные пункты. Персия отходит на Дербентскую оборонительную линию. Культура Ирана отступает перед силой и мощью хазар-северян, оставив, однако, свои глубокие следы влияния на покидаемых землях. Целый ряд аулов по течению Аварского Койсу: Аракань, Ирганы, Балахуны, Зирани выявляют иранское свое происхождение. Пути на Хунзахское плато обеспечивались властью над речной линией на этом участке. Аварское плато, несомненно, во все времена представляло стратегический интерес географическим своим расположением и топографическими особенностями. Господство на этой возделенной территории гарантировало победителю твердое влияние в горах в виду пролегания здесь дорог первостепенной важности. Самое название „Хунзах“ представляет, по-видимому, воспоминание о господстве персов, на языке которых („Ханеи Сахт“) означает твердыня, крепость. Религия древнего Ирана также запечатлела здесь свои следы. Как известно в Зороастровой системе соревнуют два начала" доброе и злое. Средоточие всего доброго в мире – это Ахура мазда, возглавляющий семь других божеств. Среди этих последних своим значением выделялся особенно Аша-Вашихта (совершенная святость) патрон священного огня и всего ритуала священнодействий. Полюс зла по Зороастру – злой дух Ангра-Майнью, он же зубастый змей Аджи-Дахак, тот самый, который замаскировано фигурирует и в персидском эпосе под именем туранского витязя Зохака. В новоперсидской жизни мы встречаем обоих неприятелей в тех же неослабно-враждебных друг другу настроениях.

Вехишт-Бехишт сделался названием Магометова рая, Дузак - обозначил собой ад. Ничего нет удивительного в том, что многовековое господство Ирана на Кавказе передало вглубь Дагестанских гор культ священного огня. Загробные обители у аварцев носят названия: рай – Алжан, ад - Жужах. Алжан – это арабский аль-Дженнет, в Жужахе нетрудно узнать знакомого нам Аджи-Дахака, Зохака, Дузака. Мрачный образ последнего оказался достаточно сильным для полагающихся ему функций преисподней. Является вопрос – где же его противник чистый дух – светлое божество огненной стихии Бехишт. Антиподы Бехишт и Дузак практикой маздеизма, конечно, были широко популяризированы, и забвение

Бехишта, при сохранившемся Дузаке, было бы более чем невероятно. Нет ничего удивительного в том, что аварцы возвысили Бехишта на высшую ступень монотеистического Бога, именуемого у них „Бечед" (Бешед).

Мы считаем необходимым, подчеркнуть, что в имени аварского царя Суракга (Суракгат) нам открывается титул, имевшийся на плато в персидскую эпоху для обозначения лица, возглавляющего Аварию. В справедливости такого вывода убеждают нас результаты экскурса в область следующего исторического периода, т. е. времени господства хазар-тюрков. Мы должны будем подвергнуть внимательному взгляду слово „авар", каковое в настоящее время утвердилось в общежитии названием народности, связанной общим и лингвистическим единством. Прежде всего, подойдем к той теории, которая видит в аварцах осколок знаменитых в истории аваров („обры" русских летописей). Я думаю, что это и не теория, а простая обывательская версия объяснений, отнюдь не имеющая никаких точек соприкосновений с наукой и историей.

В мировой науке совершенно ясно установлено, что исторически известные авары, в начале VI века, проникшие в Европу и создавшие тут крупнейшее государственное образование от Эльбы и Одера до Адриатического моря, были или тюрки или монголы. Можно ли после этого серьезно думать о том, что горсточка горцев, язык коих является к тому же в своей основе близким к языкам других не тюркских народностей в Дагестане, является частицей аваров (монголов и тюрков), победивших в VI веке франкское Государство Короля Сигиберта (567 г.). Никак, нельзя также согласиться с профессором Н. Я. Марр, который видит в нынешних аварцах потомков „албан", имевших свое царство на территории нынешнего Азербайджана. По его предположению название „авар" представляет морфологическое видоизменение основного раннего слова «албан». Нисколько не посягая на критику красивого построения яфетической общности в незапамятные времена всех горских народностей Дагестана вообще, я позволю лишь сказать, что албанцев в первую очередь, конечно, следует искать в сопредельных с Азербайджаном Самурском и Кюринском округах Д.С.С.Р., тем более, что язык удин, сохранившийся в древнем Арране, должен являть большую свою

близость к лезгинскому языку. Неверным мы считаем также объяснение известного ученого Услара; в слове „авар" ему слышится тюркское авара „бродяга, бездомный". В этом вопросе Услар видимо отдал лишь дань тому настроению, которое возбуждали храбрые горцы в сферах воинствующего великодержавия своей длительной сопротивляемостью, приносившей много хлопот царской России. Мы ведь уже знаем, какие эпитеты, например имелись в арсенале генерала Ермолова, который никак не находил для неравного врага, истекавшего кровью, иных имен, как „мошенник" и „злодей". Выводы Услара тем более чудовищны, что для правильного решения интересовавшей задачи предпосылки у него имелись налицо. Это явствует из писем его в Академию Наук, непреложно устанавливающих известность Услару того обстоятельства, что среди самого народа, называющего себя „маарулал" (горцы - от слова меер-гора), имя „авар" является чуждым термином. В 60-70 годах была свежа еще применительность слова „авар" лишь к аварскому ханству, совпадавшему с узкими границами Хунзахского плоскогорья. Другие же мааруллы упомянутого названия к себе не относили. Оно было им чуждо и воспринято впоследствии, как русская номенклатура административного подразделения, ничего общего не имеющая с какими либо этнологическими моментами.

Услару, конечно было неизвестно и то, что слово „авара" в смысле „бездельный", „беспокойный" имеется в лексиконе всех дагестанцев и почти всех народов Кавказа. Применение и такой характеристики к Аварскому ханству было бы в разрез с действительностью, которая указывает на то, что ханство, вследствие заинтересованности правящих особ, руководилось более всего политикой умерения вольницы окружавших его свободных обществ. На основании всего этого приходится заключить, что решение занимающего нас вопроса надо искать в другой плоскости. Не имеем ли в слове нами разбираемом географического или топографического термина, принятого практикой Хазарской эпохи в отношении той территории, которая ранее именовалась у персов „Ханеи-Сахт". При этом никак нельзя оставить без внимания интересное название для Хунзахского плато у лаков. Это обстоятельство тем ценно, что Кази-Кумух, несомненно, во все периоды играл роль военно-политической

базы для внешней силы, утверждавшейся в Северном Дагестане, и потому, официально принятый здесь термин должен представлять немалый интерес. Лаки именуют жителей „Хунзахского плоскогорья-„яруса“, страну - „яртан“. Основа „яр“ - скала выдает свое древне тюркское лицо и весьма хорошо подходит к панораме мощных отвесных скал, величественно обозначающих среди окружающего ландшафта местоположение Аварии. Тюркские слова „ова“ (равнина) и яр (скала) слившиеся воедино, по-видимому и участвуют словообразованием „оваяр“, „авар“ в топографической характеристике интересного в Нагорном Дагестане плато. К югу от Хунзаха, тут же у селения возвышается гора, которую местные жители именуют двояко: „Цебемеер“ - (передняя гора) и Акару. Это последнее слово, несомненно, также Хазарского происхождения: на языке северных тюрков „юкару“ означает „высота“, „гора“.

В народных преданиях об Акару отражается былое его значение, как укрепленного поста для наблюдения за ненадежным поведением соседних вольных обществ, зачастую выступавших против Хунзаха в роли организованной враждебной стороны.

Предание говорит, что гора Акару некогда была соединена цепью, в целях передачи тревоги, с Танусом, расположенным на гряде холмов, простирающихся к северу от Хунзаха. Тануси - резиденция древних властителей. Здесь на краю утеса показывают место бывшего расположения дворца все того же грозного Суракгата. Потомки властителя известны под распространенным титулом „Нуцал“, переходившим в отдельных случаях и в собственное имя у аварцев. Если „Суракгат“ есть воспоминание о персидской эпохе, то, что же кроется в таинственном слове „Нуцал“, которое, будучи по времени более поздним и новым титулом, может быть удастся разъяснить в плоскости влияния той же хазарской культуры, которая оставила в горах незабвенное отныне имя „авар“. Для получения правильных выводов на этом пути нам необходимо, прежде всего, установить более раннюю форму рассматриваемого слова. „Нуцал“ - это позднейшее арабизированное видоизменение. В старину говорили „нуцияу“, в каковой форме окончание „яу“ представляет из себя аварское родовое окончание имени (напр. хаджияу (хаджи), газияу (гази) и т. п.

Это обстоятельство, подтверждаемое историческими песнями, преданиями и даже подчас живыми названиями мест, неопровержимо являет нам первобытную форму „нуци". Впрочем, и самое название аварской столицы расчленяется на два слова „Та-Нуси" (Верхнее Нуси), что доказывается наименованием местности, расположенной тут же под утесом и принадлежавшей владельческому роду „Гортль-Нуси" (Нижнее Нуси). Таким образом нам предстоит выявить природу слова „нуци" (или „нуси") и одновременно попытаться определить время, когда оно могло войти в обиход аварского народа. Мы принуждены заявить, что „нуци" или „нуси" есть ничто иное, как еврейское „наси", „носи" (старейшина, князь). Такое утверждение наше никак нельзя считать неожиданной новостью. Аркас, Аракань, Зирани, Балахуны, вот тот исторически-известный и кратчайший путь, который вел из низин на плоскогорье. Между тем Аракань по былой своей связи с иудейской религией, державшейся здесь, по видимому, очень долго, весьма популярен и представляет из себя в этом смысле интересную базу, исследование которой могло бы дать обильные результаты. Пока же что мы считаем не лишенным интереса и то небольшое, что до сего времени известно. Часть селения, расположенная на скале, называется „Карша-Авал" (Авал-квартал) и считается кварталом бывших последователей иудаизма. По преданию иудеи были обращены в мусульманство жестоким принуждением. Поток крови в овраге, разделяющем „Карша-Авал" от остального селения, был такой силы, что унес в своем течении теленка. Приблизительно лет 35 тому назад, при разборке старой стены сакли, принадлежавшей братьям-сельчанам Гашиму и Убайдату, был найден ремень, (длиной около 2-х сажень и шириной 1,5 вершка) исписанный иудейскими молитвами. Находка эта была доставлена тогда губернатору князю Чавчавадзе, после чего исчезла бесследно. Мне довелось слышать, будто бы она была передана в дар Темир-Хан-Шуринскому Еврейскому Обществу, каковым и похоронена во избежание кощунственного осквернения священного предмета, рассыпавшегося в прах от ветхости своей.

У ныне здравствующей Араканской гражданки Пирдауз имеется просторная сакля, слывающая иудейской молельней в прошлом. На балках и досках закопченного потолка, по утверждению хозяйки, еще

недавно различали какие то надписи. Она же разъяснила, что некогда, где-то тут пребывали два брата Одрида и Чодрида; в этих созвучных именах, может быть скрыт какой либо разумный смысл противопоставлений, могущий быть разгадан. Знатоками иудаизма. Так или иначе, углубленное изучение всего наличного араканского материала с попутными раскопками пролило бы большой свет на эту интересную область.

Однако от устанавливаемого нами факта распространенности в свое время здесь иудаизма еще далеко до влияния последнего в нагорье до такой степени, чтобы владетель Аварии, для сугубо почетного обозначения своего положения, прикрепил к себе иудейский термин. Это последнее обстоятельство могло иметь место только в условиях особо яркого блеска Моисеевой религии, поддерживаемой авторитетом внешней мощной политической силы. Такая эра должна бы совпадать с тем периодом истории хазарского владычества, когда иудаизм возвысился до высшей ступени, сделавшись почетной религией царского двора и аристократической знати.

По свидетельству арабских историков X века главным центром хазар в Дагестане был Семендер. Правитель этого города исповедывал еврейскую религию по примеру великого Кагана, пребывавшего в Итиле – столице у устья Волги. Арабские же источники утверждают, что хазарские цари приняли иудейство еще во времена Халифа Гарун-Аль-Рашида в конце VIII века.

Версия письма Хазарского царя Иосифа (в 960 г. Р. Х.) к испанскому еврею Хисдаи бин Шапрут относит принятие иудаизма его предками ко времени Булана в 7 веке, а понадобившееся „укрепление истинной веры" - к более позднему царствованию Ободия. Таким образом, арабские и еврейские источники более или менее согласий сходятся на том, что конец VIII века является эпохой успеха иудаизма при дворе хазарских каганов.

На основании всех имеющихся по данному вопросу сведений хронологическим пределом влияния хазар в Дагестане надо считать конец X века, в связи с чем надлежит признать, что IX и X столетия и составляют тот отрезок времени, на протяжении которого хазарский иудаизм перекинулся на Хунзахское плоскогорье и побудил владетеля Аварии воспринять вместе с верой Моисея также титул „Нуци".

Таким образом, лишний раз утверждается сомнение в раннем распространении Ислама в Северном Дагестане, обычно связываемом с именем арабского полководца Маслама (Абу-Муслима) братом Халифов Валида и Хишама (VIII век). Здесь будет уместно упомянуть также о том, что в широко распространенном обиходе это имя совпало с именем другой личности - просветителя Аварии Шейха Абу-Муслима (V век Гиджры - XI век Р.Х.), похороненного в Хунзахе при мечети квартала Самилял. По преданию Шейх-Абу-Муслим умер от раны стрелой, полученной в религиозном походе на сопредельный с Хунзахом Гидатль. Поход этот был неудачен как многие предшествовавшие и последующие. Войны не привели ни к чему. Христианский Гидатль был покорен для ислама значительно позднее „посошьими войсками" т. е. проповедниками вооруженными мирными посохами.

По данным упомянутого нами „Тарихи Дагестана" правнук шейха Абу-Муслима, подвизавшийся, по-видимому, в Хунзахе в роли высшего духовного лица, увидев плохой сон, в предвидении ожидающегося несчастья, спасся бегством в Кумух. В происшедшем перевороте вернувшем к власти старую династию, ставленник мусульман араб Эмир-Ахмед, возглавлявший Аварию, был убит вместе со всеми мусульманами. Таким образом, явствует, что и 12 век никак нельзя считать временем благополучного утверждения в Хунзахе ислама. Вопрос этот заслуживает быть предметом отдельного изучения и, тогда, быть может, мы придем к выводу, что распространение магометанства в горах Аварии произошло уже после крушения арабского халифата, когда на сцену выдвинулись новые политические силы.

1928 год